

М. Б. ШУКИН

КЕРАМИКА КИЕВСКОГО ТИПА С ПОСЕЛЕНИЯ ЛЕПЕСОВКА

Поселение у с. Лепесовка в Белогорском районе Хмельницкой обл., в верхнем течении р. Горыни, — один из самых ярких и наиболее полно исследованных памятников черняховской культуры. Уже неоднократно отмечалось обилие выявленных здесь элементов северо-западного происхождения, восходящих к вельбаркской и пшеворской культурам Польши и к древностям Северо-Западной Европы [1—5]. Особенно отчетливо это выражается в традициях домостроительства и в комплексе лепной керамики. Жители поселения строили большие двухчастные наземные дома со стенами на плетневом каркасе, обмазанном глиной, совмещающие под одной крышей жилое помещение и хозяйственное — хлев или мастерскую. Эта традиция не имеет местных корней, но хорошо прослеживается еще с эпохи Латена в домостроительстве древних обитателей Ютландии, Голландии и Северной Германии. Поселения вельбаркской культуры на территории польского Поморья, Мазовии и Подлясья изучены еще плохо, но и там эта традиция известна [4, с. 90—92]. В керамических комплексах вельбаркской культуры находят многочисленные аналогии — небольшие мисочки-горшочки с маленькими ушками-псевдоручками или без них, с красновато-желтой заглаженной или с черной лощеной поверхностью, иногда с растительной примесью в тесте, от чего на внутренней поверхности черепка видны мелкие точки-углубления от выгоревшей при обжиге примеси, горшки-кувшины с двумя ручками под венчиком (типа II, VIa, X и XIV по классификации Р. Шиндлера). В вельбаркской, а также в соседних культурах — в пшеворской и в эльбском кругу памятников — широко представлены и аналогичные лепесовским яйцевидные горшки с загнутым внутрь венчиком (тип I по Р. Шиндлеру), часто заглаженные у венчика и нарочито ошершавленные, «хроповатые» в средней части корпуса [1, рис. 5, 1, 2, рис. 18, 1, 4, рис. 19, 6, 7; 3, рис. 2, 1—6; 6, табл. 21, 7, табл. XXI, XXII, XXV; 8, рис. 4, 6, 7]. Вельбаркско-пшеворский компонент в составе жителей Лепесовки не вызывает сомнений. Сказанное, однако, не дает еще достаточных оснований исключить Лепесовку из состава черняховской культуры, как это иногда делается [9, с. 160, 161].

Типичная черняховская гончарная посуда обильно представлена на поселении и составляет более 79% керамических находок [3, с. 1060]. Это существенно отличает Лепесовку от близлежащих и синхронных собственно вельбаркских памятников Дытыгичи [10], Ромош [11], Городище [12] и др. [13], где процент гончарной керамики минимальный. «Длинные дома» и вельбаркско-пшеворские элементы в керамике выявлены и на других черняховских памятниках, однако из черняховской культуры их исключить невозможно [13, рис. 8; 14, с. 70; 15—18]. Не выбивается из общих представлений о черняховской культуре и весь остальной набор находок с поселения — гребни, фибулы, пряжки, стекло, пряслица, глиняные грузила ткацких станков и т. д. Сказанное не лишает Лепесовку определенной специфики, но специфика эта определяется не иной культурной принадлежностью, а особым положением поселения в структуре черняховской культуры и хронологией — здесь отсутствуют находки заключительного этапа развития культуры.

В коллекции лепной керамики из Лепесовки, хранящейся в Эрмитаже, обращают на себя, однако, внимание два сосуда, заметно отличающиеся от остальных (инв. № 2701/404 и 2701/405). Это два больших сла-

бoproфилированных горшка с едва отогнутыми венчиками. Один (№ 404) достаточно стройных пропорций, тюльпановидный, с максимальным расширением на третьей четверти высоты. Высота его 36 см, диаметр венчика 25, диаметр дна — 14 см (рис. 1, 1—3). Вторым (№ 405) более приземистый и округлобокий, с намечающейся биконичностью, максимальное расширение тулова чуть выше середины. Высота его 33 см, диаметр венчика 26, диаметр дна 16 см (рис. 1, 4). Оба изготовлены из комковатого, плохо промешанного глиняного теста с примесью шамота. Крупные зерна примеси выступают на внешней поверхности сосуда, делая ее шероховатой. Особенно ярко это выражено на сосуде № 404. Поверхность очень небрежно дополнительно обработана. Мастер, вероятно, снимал щепкой излишние натеки глины (тесто не было достаточно плотным), отчего на нижней части сосуда № 404 сохранились своеобразные «расчесы» в виде вертикальных бороздок различной глубины и ширины. На втором сосуде (№ 405) ту же операцию проделали рукой, и на поверхности сохранились расчесы от пальцев. По пропорциям, способу изготовления и обработки поверхности оба сосуда напоминают керамику киевской культуры, ближайшие памятники которой расположены достаточно далеко от Лепесовки — в киевском и белорусском Поднепровье. Так, сосуд № 404 находит наиболее близкие аналогии в керамике из жилища IV в Казаровичах [19, рис. 4, 6, 7), а горшок № 405 — в материалах деснинских поселений Ульяновка и Роище [20, рис. 3, 12, 5, 22] и в комплексе жилища I поселения Колодезный Бугор [21, рис. 5, 1; 22, рис. 2, 3].

Однако не возникает сомнений в принадлежности обоих сосудов к черняховскому слою Лепесовки. Оба найдены на западном раскопе II, при расчистке развалов обмазки вблизи «длинных домов» I и IV. Один (№ 404) — в квадрате А-Д/5—8, в 12 м к западу от жилища IV, другой — в квадрате Е-И/17—20, в 8 м к юго-западу от жилища I [2, рис. 17]. В обоих случаях развалы обмазки являлись, по всей вероятности, остатками глинобитных построек, жилых или хозяйственных — сказать невозможно. Они были так сильно разрушены пожаром, что после снятия бесформенных развалов обмазки выявить контуры построек не удалось. Поэтому они и не обозначены на опубликованном М. А. Тихановой плане, в отличие от стоявших попарно в ряд вдоль берега реки жилищ I и IV, II и III, которые пострадали от пожара меньше, а возможно, и построены были более основательно. По местоположению развалов обмазки обе постройки должны были бы составлять следующую пару.

Трагические обстоятельства гибели сгоревшего в сильном пожаре поселения отчетливо запечатлелись на сосуде № 404. На него, очевидно, упала разбившая его горящая балка. Фрагменты, попавшие под нее, особенно сильно обгорели и ошлаковались, и на них отпечатались форма балки. Это был прямоугольный брус сечением 5×7 см. Несмотря на вторичную пережженность и ошлакованность черепков, удалось их склеить и установить форму сосуда (рис. 1).

На основании этой находки можно утверждать с достаточной определенностью: горшки «киевского типа» были в быту жителей черняховского поселения в момент его гибели.

Фрагменты киевской керамики встречались и на других участках поселения. Поскольку во время раскопок 1958—1959 гг. киевская культура еще не была выявлена, при подсчетах керамических находок соответствующие черепки, естественно, не учитывались. Поэтому теперь трудно определить их реальный удельный вес в составе керамического комплекса Лепесовки. Но из хранящихся в Эрмитаже 4022 фрагментов лепной керамики к киевской культуре могут быть отнесены 410, из 24 целых лепных сосудов — два, т. е. киевская керамика составляет около 10%.

До сих пор еще очень слабо разработан вопрос о генезисе киевской культуры и предшествующего ей культурно-хронологического постзарибинского горизонта Рахны — Почеп. Последний представлен серией

Рис. 1. Лепные сосуды из Лепесовки. 1—3—сосуд № 2701/404;
4 — сосуд № 2701/405

достаточно разбросанных и разнородных памятников конца I—II в. н. э. [23—26; 27, рис. 29—31, 39—43] от верховьев Днестра до Подесенья и верховьев Псла (Майдан Гологирский, Ремезивцы, Пидрижье, Рахны, Марьяновка, Лютез, Почеп, Синьково, Картамышево и др.). Он состоит из памятников, оставленных потомками носителей зарубинецкой культуры, разбитых в середине I в. н. э. сарматами, с включением элементов пшеворских и липицких на западе и юхновских на востоке [28, с. 69, 74, 77]. Правобережные памятники этого рода В. К. Воляник объединял в «тип Пидрижье», взяв в качестве эталона пшеворско-зарубинецкое поселение на Волыни [29, с. 10—11].

На памятниках этого горизонта в Поднепровье и Подесенье находят и характерную штрихованную керамику [30, с. 64; 31, рис. 12, 15, 17; 32, рис. 1, 1, 5, 9), что заставляет предполагать участие во вновь формирующейся общности, представленной затем киевской культурой, и носителей культуры штрихованной керамики Белоруссии и Прибалтики. Их воздействие особенно усиливается во II в., когда в лесостепи существуют пока плохо изученные переходные памятники типа Грини—Вовки [22, рис. 10; 33, рис. 1, 8—10]. Заметно оно и на раннекиевских памятниках типа Казаровичи [19, рис. 5].

Фрагменты штрихованной керамики, одного из компонентов, киевской культуры, также известны и в Лепесовке. Они составляют 1,3% лепной керамики. Специфическая «северная» штриховка достаточно легко отличима от более глубокой и редкой штриховки, встречающейся на посуде римского времени в Центральной Европе [34, табл. XLVIII, L] и представленной также в Лепесовке.

Общим элементом, объединяющим киевскую культуру с древностями лесной зоны, являются плоские или биконические пряслица с большим отверстием [26, рис. 2, 8, 13, 3, 6, 7, 21—28, 4, 1—3, 5—7; 35, рис. 29, 2—6, 14, 17, 26—28]. Есть они в небольшом количестве и в Лепесовке. Из 180 пряслиц нашей коллекции 6 (3,3%) относятся к этому типу.

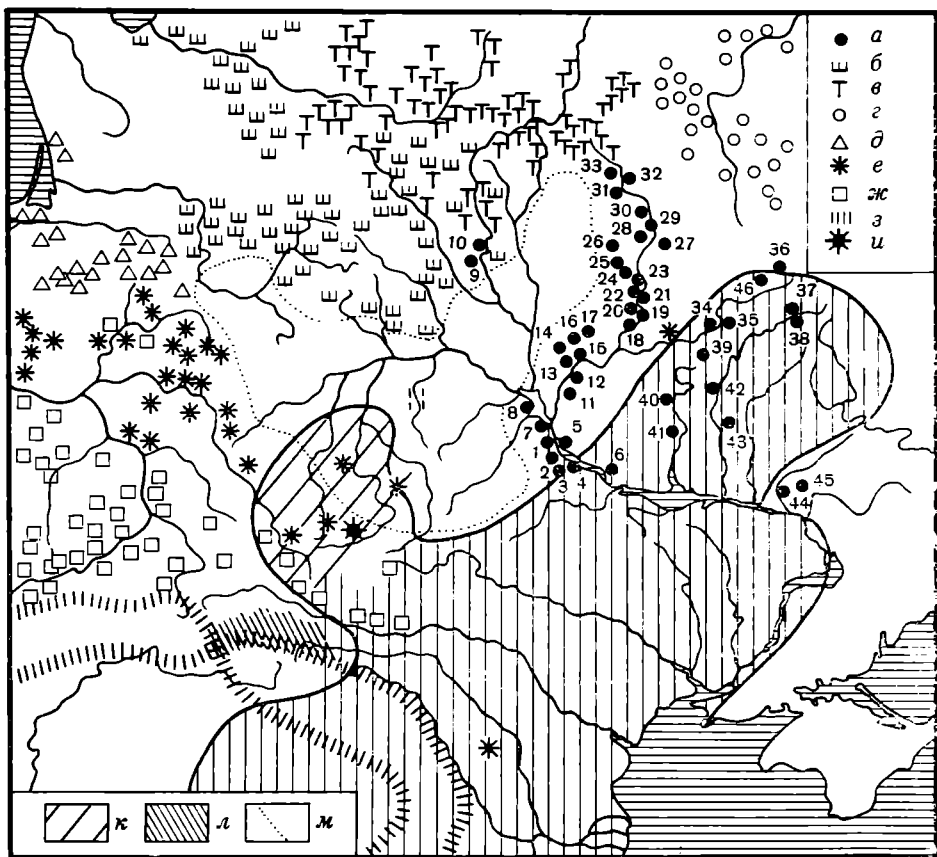

Рис. 2. Киевская культура и археологическая ситуация в III—IV вв. *а* — памятники киевской культуры (по Е. А. Горюнову, Р. В. Терпиловскому, Е. В. Максиму); *б* — памятники штрихованной керамики (по В. В. Седову); *в* — памятники днепро-двинской и среднетушемлинской культур (по В. В. Седову); *г* — памятники мощинской культуры (по В. В. Седову); *д* — памятники западных балтов; *е* — памятники вельбарско-цецельские; *ж* — памятники пшеворские; *з* — зона черняховской культуры; *и* — Лепесовка; *к* — зона волынской группы черняховской культуры; *л* — зона культуры карпатских курганов; *м* — граница зоны «относительной археологической пустоты». Основные памятники киевской культуры: 1 — Оболонь; 2 — Безрадичи; 3 — Обухов; 4 — Девич Гора; 5 — Бортничи; 6 — Решетки; 7 — Казаровичи; 8 — Грини; 9 — Тайманово; 10 — Абидня; 11 — Золотинка; 12 — Выбли; 13 — Ульяновка; 14 — Роише; 15 — Киселевка; 16 — Макшин; 17 — Ровчак; 18 — Заярье; 19 — Лавриков Лес; 20 — Левкин Бугор; 21 — Целиков Бугор; 22 — Колодезный Бугор; 23 — Кветунь; 24 — Суворово; 25 — Яковлевичи; 26 — Посудичи; 27 — Хохлов Вир; 28 — Макча; 29 — Усох; 30 — Мансурово; 31 — Смольянь; 32 — Жуковка; 33 — Владимировка; 34 — Волынцево; 35 — Комаровка; 36 — Воробьевка II; 37 — Картамышево; 38 — Кулига; 39 — Беседовка; 40 — Артюховка; 41 — Сенча; 42 — Курган-Азак; 43 — Вовки; 44 — Чернещина; 45 — Осиповка; 46 — Лебяжье IV

Северные лесные элементы в киевской культуре не ограничивались, вероятно, только воздействием культуры штрихованной керамики. До сих пор не проводились сопоставления киевской керамики с посудой жителей днепро-двинских городищ, «самой неинтересной во всей лесной зоне», по словам П. Н. Третьякова [36, с. 173], и потому, наверное, не привлекавшей внимания исследователей. Однако типы IV, V и VIII киевской керамики, по классификации Е. А. Горюнова [22, рис. 3], и тип V пеньковской керамики, по О. М. Приходнюку [37, рис. 9], вполне сопоставимы с баночными днепро-двинскими и среднетушемлинскими сосудами. Кроме того, Е. А. Шмидт, характеризуя керамику смоленских городищ, писал про выделенный им 3-й тип: «Поверхность сосудов снаружи сглаживалась пальцами или специальной плоской палочкой в вертикальном направлении от горла ко дну, поэтому на ней заметны полосы или вмятины» [38, с. 355]. Это описание вполне применимо и к киевской керамике. Сказанное не решает проблемы, но внимательное сопоставление днепро-двинской и среднетушемлинской посуды с киевской, очевидно, необходимо, тем более что границы распространения этих культур соприкасаются.

В III—IV вв., когда функционировало поселение Лепесовка, гнезда киевских поселений были разбросаны на обширной зоне (рис. 2). На севере от течения Березины — Абидня, Тайманово и др. [39, 40] — до среднего течения Десны — Жуковка, Смольянь, Форостовичи, Лавриков Лес и др. [22, с. 95—103]. Затем от сравнительно узкой правобережной полосы «киевского треугольника» между Днестром, Стугной и Ирпенем на западе [26, 41] до верховьев Сейма, Сулы и Псла на востоке [22, рис. 15, с. 104—133; 42, с. 48, 49]. И на юге от правобережья Стугны — Обухов [43] до Орели — Иосиповка [44].

На Днепровском лесостепном Левобережье в это же самое время существовала и черняховская культура. В 1980 г. автор принимал участие в разведках Е. А. Горюнова в верховьях Псла и в Посеймье. При этом нетрудно было убедиться, что носители двух столь различных по облику, но синхронных культур занимали разные экологические ниши. Киевские памятники тяготели к низким заболачиваемым местам, к песчаным дюнам в широких поймах и между старицами, а черняховцы предпочитали южные склоны плато с черноземами. Зона существования обеих культур была значительно шире, чем это отмечено Э. А. Сымоновичем [45]. Не удивительно, что живущее чересполосно население имело взаимные контакты — черняховская гончарная керамика встречается в виде незначительной примеси на киевских поселениях, а лепная маловыразительная, слабопрофилированная керамика, близкая киевской, — на черняховских. Киевская культура в чистом виде занимает зону левобережного Полесья. В зоне «чистой» киевской культуры и на ее основе развивается затем колочинская культура, что убедительно продемонстрировал Е. А. Горюнов, а в смешанной черняховско-киевской зоне сложилась, вероятно, пеньковская культура, хотя этот процесс прослеживается пока значительно хуже [22, с. 95—103].

На Правобережье картина иная. К северу от черняховской культуры, вплоть до поселения культуры штрихованной керамики и киевских памятников Среднего и Верхнего Поднепровья, располагается обширное полесское «белое пятно», практически пустующее со времени прекращения зарубинецкой культуры в середине I в. н. э. до появления в VI в. памятников типа Корчак [46, с. 69, рис. 3; 47, с. 69, 70]. На него первым обратил внимание Д. А. Мачинский, заметив, что на эту же зону «относительной археологической пустоты» должны приходиться места обитания ставанов Клавдия Птолемея, в которых можно было бы видеть предков славян [48, с. 94, 95].

Находки в Лепесовке, расположенной в непосредственной близости от юго-западного угла «белого пятна», заставляют думать, что на Правобережье могла существовать картина, аналогичная в какой-то мере левобережной. Только вариант «чистой» киевской культуры в зоне «белого пятна» пока еще не выявлен. На Левобережье целенаправленный систематический поиск киевских памятников в течение ряда лет вели П. Н. Третьяков, Е. А. Горюнов и украинские археологи. Соответствующих работ в правобережном Полесье не проводилось. В 1978 г. автор обследовал лишь небольшой участок по р. Уборти от Олевска до границ с БССР. Положительных результатов это не дало. Было открыто только селище сахновского типа. Но 50-километровый маршрут — это всего лишь «булавочный укол» в обширное «белое пятно» [49].

А если бы соответствующий вариант киевской культуры удалось здесь обнаружить, возможно, удалось бы отыскать и предшественников культуры Корчак, тем более что один из лепесовских сосудов (№ 404) по пропорциям вполне соответствует критериям пражско-корчакской керамики. Тогда, вероятно, нашлись бы связующие звенья между керамикой киевского типа и лепной керамикой черняховских поселений междуречья Днестра и Западного Буга, исследуемых В. Д. Бараном [9, 50], а также керамикой «спецымежского» типа пшеворских памятников Польши, наличие которой и позволило И. П. Русановой [51, с. 207—215] и В. В. Седову [52, с. 53—78] построить гипоте-

зу о славянской принадлежности пшеворской культуры. Появление этой керамики в Польше относится ко второй половине II — первой половине III в. н. э. [53, с. 72—76]¹, т. е. к тому же времени, когда наблюдается активное проникновение носителей вельбаркской и пшеворской культур в юго-восточном направлении [13]. Достигали они и Посеймья [54, с. 33—35]², где как раз в это время происходило формирование киевской культуры. Сегодня для понимания всех этих процессов очень не хватает промежуточных звеньев, искать которые следует в «белом пятне».

ЛИТЕРАТУРА

1. Тиханова М. А. Раскопки на поселении III—IV вв. у с. Лепесовка в 1957—1959 гг.//СА. 1963. № 2.
2. Тиханова М. А. Днестровско-волынская экспедиция 1960—1961 гг.//КСИА. 1964. Вып. 102.
3. Тиханова М. А. Раскопки поселения у с. Лепесовка (К вопросу о происхождении черняховской культуры)//Actes du VIIe Congres International des Sciences Prehistoriques et Protohistoriques. Prague, 21—27 août 1966. V. 2. Prague, 1971.
4. Тиханова М. А. Еще раз о происхождении черняховской культуры//КСИА. 1970. Вып. 121.
5. Щукин М. Б. Комплекс лепной керамики из поселения Лепесовка//Тез. докл. на VIII Всесоюзной конференции студентов-археологов. Л., 1962.
6. Schindler R. Die Besiedlungsgeschichte der Goten und Gepiden im unteren Weichselraum auf Grund der Tongefässe. Leipzig, 1940.
7. Wołgiewicz R. Kultura wielbarska//Prahistoria ziem Polskich. T. V. 1981.
8. Щукин М. Б. Современное состояние готской проблемы и черняховская культура//АСГЭ. 1977. Вып. 18.
9. Баран В. Д. Черняхівська культура. Київ: Наук. думка, 1981.
10. Смішко М. Ю., Свешніков І. К. Могиляник III—IV століть н. е. у с. Дитиничі, Ровенської області//МДАПВ. 1961. Вып. 3.
11. Крушельницьк Л. І., Опріск В. Г. Поселення східнопоморсько-мазовецької культури в верхів'ях Західного Бугу//Археологія. 1975. Т. XVIII.
12. Кухаренко Ю. В. Могиляник у с. Городище//Проблеми археології. Вып. 2. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978.
13. Szczukin M. B. Zabytki wielbarskie a kultura czerniachowska//Problemy kultury wielbarskiej. Słupsk, 1981.
14. Рикман Э. А. Жилища племен черняховской культуры Днестровско-Прутского междуречья//Древнее жилище народов Восточной Европы. М., 1975.
15. Махно Е. В. Ягнятинська археологічна експедиція//АП. 1952. Т. 3.
16. Смиленко А. Т., Брайчевський М. Ю. Черняховское поселение в селе Леськи близ города Черкассы//МИА. 1967. № 139.
17. Смішко М. Ю. Селище доби полів поховань у Вікнінах Великих//Археологія. 1947. Т. 1.
18. Смішко М. Ю. Дослідження пам'яток культури полів поховань в західних областях УРСР в 1947 р.//АП. 1952. Т. 3.
19. Максимов Е. В., Орлов Р. С. Поселение и могиляник второй четверти I тысячелетия н. э. у с. Казаровичи близ Киева//Раннесредневековые восточнославянские древности. Л.: Наука, 1974.
20. Терпиловский Р. В. Новые памятники III—IV вв. н. э. в Черниговском Подесеньи//Новые исследования археологических памятников на Украине. Киев: Наук. думка, 1977.
21. Третьяков П. Н. Древности второй и третьей четверти I тыс. н. э. в верхнем и среднем Подесеньи//Раннесредневековые и восточнославянские древности. Л.: Наука, 1977.

¹ И. П. Русанова, впрочем, полагает, что «спецымежские» горшки присущи пшеворской культуре изначально и восходят еще к «кляшам» поморской культуры [51, с. 213, рис. 87]. Но между «кляшами» V—IV вв. до н. э. и «спецымежской» керамикой III в. н. э. не менее 500 лет разницы, а в списке пшеворских памятников с «предпражской» керамикой, приведенном И. П. Русановой, лишь один пункт занимает промежуточное положение — могиляник Вилянув позднего предримского времени, II—I вв. до н. э. [53, табл. V, 3, VIII, 9, IX, 1, XXII, 6, XXV, 4]. Но сравнительно небольшие горшочки (от 18 до 23 см высотой) из плотной, хорошо обожженной глины с мелкими примесями, с тщательно заглаженной черной или желтой поверхностью [53, табл. V, 3, VIII, 9, XI, 1, с. 11, 14, 18] или с «хруповато-лощеной» поверхностью [53, табл. XXII, 6, XXV, 4, с. 30, 34] вряд ли можно рассматривать с достаточным основанием в качестве прототипов как больших и груболепных «спецымежских» горшков, так и керамики пражского типа.

² Установление контактов с восточными областями, возможно, и объясняет появление «спецымежской» керамики в Польше, представленной как на пшеворских, так и на вельбаркских памятниках. Поэтому в восточный (славянский) вариант пшеворской культуры на картах В. В. Седова и попали по недоразумению некоторые вельбаркско-цецельские памятники — Стара Весь, Варшава-Кавенчин, Брулино-Коски, Ростки, Тухлин, Пястув, Гродзиск-Мазовецкий [52, рис. 11; 55, рис. 32].

22. Горюнов Е. А. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л.: Наука, 1981.
23. Хавлюк П. І. Зарубинецька культура Південного Побужж'я та Левобережжя Середнього Дністра//Археологія. 1975. Вип. 8.
24. Заверняев Ф. М. Зарубинецькі пам'ятники Верхнього Подесення//МИА. 1970. № 176.
25. Кравченко Н. М. Исследование славянских памятников на Стугне//Славяне и Русь. Киев: Наук. думка, 1979.
26. Даниленко В. Н. Пізньозарубинецькі пам'ятки киевського типу//Археологія. 1976. Вип. 19.
27. Цигилик В. М. Населення Верхнього Подністров'я перших століть нашої ери. Київ: Наук. думка, 1975.
28. Шукин М. Ю. К предыстории черняховской культуры//АСГЭ. 1979. Вип. 20.
29. Воляник В. К. Население Волини первой половины I тысячелетия н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1978.
30. Бидзиля В. И., Пачкова С. П. Зарубинецкое поселение у с. Лютеж//МИА. 1969. № 160.
31. Заверняев Ф. М. Почепское селище//МИА. 1969. № 160.
32. Горюнов Е. А. Древности I тысячелетия н. э. нижнего течения р. Сновы//КСИА. 1974. Вип. 140.
33. Максимов Е. В. Новые зарубинецкие памятники в Среднем Поднепровье//МИА. 1969. № 160.
34. Pernicka R. M. Die Keramik der älteren römischen Kaiserzeit in Mähren. Brno, 1966.
35. Митрофанов А. Г. Железный век Средней Белоруссии (VII—VI вв. до н. э.—VIII в. н. э.). Минск, 1978.
36. Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1966.
37. Приходнюк О. М. Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я VI—IX ст. н. е. Київ: Наук. думка, 1980.
38. Шмидт Е. А. Некоторые особенности культуры городищ верховьев Днепра во второй половине I тысячелетия до н. э.//Материалы по изучению Смоленской области. Вип. IV. Смоленск, 1961.
39. Пობоль Л. Д. Основные итоги изучения памятников позднего этапа зарубинецкой культуры в Белорусском Поднепровье//Древности Белоруссии. Минск, 1960.
40. Пობоль Л. Д. Итоги изучения древностей железного века Белорусского Поднепровья//Древности Белоруссии. Минск, 1969.
41. Кравченко Н. М., Абашина Н. С., Гороховський Е. Л. Нові пам'ятки I тисячоліття н. е. в Київському Подніпров'ї//Археологія. 1975. Вип. 15.
42. Горюнов Е. А. Исследования в Курской области//АО—1980. М., 1981.
43. Абашина Н. С., Гороховський С. Л. Кераміка пізньозарубинецького поселення Обухів III//Археологія. 1975. Вип. 18.
44. Телегін Д. Я., Беляева С. О. Пам'ятки ранньослов'янського часу на Орелі//Археологія. 1975. Вип. 18.
45. Сымонович Э. А. Черняховская культура и памятники киевского и колочинского типов//СА. 1983. № 1.
46. Шукин М. Б. О некоторых проблемах черняховской культуры и происхождения славян//СА. 1975. № 4.
47. Шукин М. Б. Археологические данные о славянах II—IV веков. Перспективы ретроспективного метода//АСГЭ. 1976. Вип. 17.
48. Мачинский Д. А. К вопросу о территории обитания славян в I—IV веках//АСГЭ. 1976. Вип. 17.
49. Шукин М. Б. Славянское поселение Сушаны-Хмельник на реке Уборти//Древние памятники культуры на территории СССР. Л.: Наука, 1982.
50. Баран В. Д. До питання про ліпну кераміку культури полів поховань черняхівського типу у межах Дністра і Західного Бугу//МДАПВ. 1961. Вип. 3.
51. Русанова И. П. Славянские древности VI—VII вв. Культура пражского типа. М.: Наука, 1976.
52. Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян. М.: Наука, 1979.
53. Marciniak J. Smentarzysko ciałopalne z okresu różnolateńskiego w Wilanowie koło Warszawy//Materiały starożytne. 1957. Т. II.
54. Кухаренко Ю. В. Погребение у с. Пересыпки//Древние славяне и их соседи. М.: Наука, 1970.
55. Jaskanis J., Okulicz J. Kultura wielbarska (faza cecelska)//Prahistoria ziem polskich. T. V. «Ossolenium». 1981.

M. B. Shchukin

POTTERY OF THE KIEV TYPE FROM THE LEPESOVKA SETTLEMENT

S u m m a r y

Lepesovka, one of the thoroughly studied Chernyakhovo sites of the 3rd and 4th centuries, is found in the upper reaches of the Goryn river (Western Ukraine) (Fig. 3). Seventy-nine per cent of its pottery complex are formed by wheeled vessels of the provincial Roman type, while the forms rooted in the Wielbark and Przeworsk cultures dominate

among the modelled vessels. However, 10.2 per cent of modelled vessels have a different origin. They are crudely made vessels (Fig. 1, 2) closely resembling the pottery of the Kiev culture on the Dnieper's left bank (Fig. 3, *a*) where the Kiev and the Chernyakhovo culture partly overlapped each other. Over a vast territory their bearers lived side by side in ecological niches of their own. The Lepesovka finds permit a conclusion that a similar situation existed on the Dnieper's right bank. A «blank spot» in the Polesie region where no purposeful search for Kiev-type sites was undertaken corresponds to the zone of the purely Kiev culture on the Dnieper's left bank. Any Kiev-type sites on the right bank will probably permit archaeologists to identify the missing links in the prototypes of the Korchak-type pottery. Such finds will also provide an explanation for the presence of crude modelled pots in the Chernyakhovo ceramic complexes in the Dniester and the Bug interfluvium and the appearance, at the turn of the 3rd century B. C., of distinctive Specymierz ceramics in the Polish Przeworsk sites.